

«ПОНЯТИЕ
О
РОССИИ»

К ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА

Том I

МОСКВА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2012

УДК 3: 001.4
ББК 60в3
П 56

Алексей Ильич Миллер,
Денис Анатольевич Сдвижков,
Ингрид Ширле

«Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода

П 56 «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 576 с.

Предисловие

Первый сборник исследований по истории ключевых понятий в России имперского периода с конца XVIII в. по 1917 г. на основе материалов конференции в Германском историческом институте в Москве. Исходя из текстов разного характера — художественной литературы, законодательных актов, прессы и эго-документов, авторы статей — историки, филологи, социологи — реконструируют зарождение и развитие понятий общественно-политической сферы по разделам «законодательство», «социальная стратификация», «общество и публичная сфера», «нация и империя», «народ и раса». В коллективном введении освещена история становления и методология различных школ лингвокультурных исследований, анализируется их применимость для российской истории. В книге представлена библиография существующих работ по истории понятий в России.

Сборник открывает собой новый проект *studia europea*, реализующийся в рамках серии *Historia Rossica* совместно Германским историческим институтом в Москве и издательством «НЛО». *Studia europea* знакомит российского читателя с переводами ключевых исторических монографий и тематических сборников статей новых исторических школ Германии, а также представляет результаты деятельности Германского исторического института в Москве в области исследований России XVIII — начала XX вв. и сравнительной истории.

УДК 3: 001.4
ББК 60в3

ISBN 978-5-86793-935-9

© Авторы, 2012
© «Новое литературное обозрение», 2012

В 1816 году Александр Иванович Тургенев писал брату Сергею о грядущем выходе *Истории Государства Российского* Николая Михайловича Карамзина: «Она объяснит нам понятия о России, или, лучше, даст нам оные. Мы узнаем, что мы были, как переходили до настоящего *statu quo* и чем мы можем быть...»¹ Как «давались» «России» «понятия»? — пожалуй, трудно придумать более сжатую и емкую формулировку для исследовательской темы, которую поставила перед собой конференция, проведенная в Германском историческом институте в Москве весной 2010 года. Переработанные доклады ее участников легли в основу настоящего сборника.

«Понятия о России» — это не только тема, но и сжатая программа. «Россия» тут — ключевое понятие, которое объединяет все остальные. Появление на свет «России»² практически совпадает с началом петербургского периода истории страны и задает хронологические рамки. Наш предмет — не русские ключевые понятия вообще, не константные «языковые картины мира», а взятая в динамике историческая семантика петербургской «России» в ее разных ипостасях — как державы, империи и как общественного, национального, культурного «мы»³. Нас интересует, далее, авторский и интенциональный механизм в конструировании со-

¹ А.И. Тургенев — С.И. Тургеневу, 30 февраля 1816 г., Санкт-Петербург // Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 12.

² Ширле И. Понятие «Россия» в политической культуре XVIII века // *Живов В.М.* (Ред.) Эволюция понятий в сфере истории русской культуры (в печати).

³ Миллер А. Империя Романовых и национализм. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.

Ольга Юрьевна Малинова

Общество, публика, общественность
в России середины XIX — начала XX века:
Отражение в понятиях практик
публичной коммуникации
и общественной самодеятельности

Настоящая статья посвящена анализу понятий, в которых отражались практики публичной коммуникации и общественной самодеятельности, формировавшиеся и развивавшиеся в России в середине XIX — начале XX века. В социологии эти практики принято описывать с помощью концепций *публичной сферы* и *гражданского общества*, разработанных преимущественно на западно-европейском материале. Их приложение к России (имперского, советского и постсоветского периода) оказывается проблематичным в силу очевидных несоответствий между описываемыми ими идеально-типическими моделями и отечественными реалиями. Данное обстоятельство побуждает историков и социологов к поиску вариантов кросс-культурного перевода общих понятий и выявлению российских социально-культурных практик, которые так или иначе вписываются в общепринятые представления о *гражданском обществе* и *публичной сфере*, хотя и имеют иное вербальное определение¹. Мы попытаемся развить этот подход, опираясь на методы,

¹ Пример такого подхода — проект американских историков, посвященный анализу новых моделей социальной идентичности, способных определить и, возможно, объединить «средние группы» позднеимперского российского общества (Clowes E. W., Kassov S. D., West J. L. (Eds.) *Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton, 1991). Авторам этого проекта принадлежала идея провести аналогию между понятиями *гражданское общество* и *общественность* (Clowes E. W., Kassov S. D., West J. L. Introduction: the Problem of the Middle in Late Imperial Russian Society // *Ibid.* P. 3—4). Данная идея была подхвачена российским социологом В. Волковым (Волков В. *Общественность: забытая практика гражданского общества* // *Pro et contra*. 1997. Т. 1. № 4). См. также: Höfner L. «The Temple of Idleness»: Associations and the Public Sphere in Provincial Russia. A Case Study of Saratov, 1800—1917 // McCaffrey S. P., Melancon M. (Eds.) *Russia in the European Context: A Member of the Family*. New York etc., 2005. P. 141—160; Пиетров-Энгер Б., Ульянова Г. Н. (Отв. ред.) *Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века*. М., 2007; Туманова А. С.

разработанные в рамках истории понятий, рассматривающей изменения смыслов ключевых социальных терминов в качестве не только отражения стоящих за ними отношений, но и факторов, которые в какой-то мере определяют развитие самих отношений, устанавливая рамки «понятного», а значит — ожидаемого и возможного.

В основу нашего исследования положен обширный массив текстов, посвященных теме отношения России к Европе, которые были опубликованы (преимущественно, хотя и не исключительно) в периодической печати и охватывают период с середины 1830-х годов до 1917 года. Поскольку споры о России и Европе на протяжении большей части рассматриваемого периода (а именно в 1830—1890-х годах) находились в центре общественного внимания и переплетались с обсуждением многих актуальных проблем, есть основания полагать, что выступления их участников дают достаточно полное представление о системе понятий, описывавших опыт публичных коммуникаций и ожидания, связанные с его развитием. Материал, относящийся к началу XX века, менее репрезентативен в силу того, что тема отношения к Западу в этот период утратила былую актуальность, уступив другим, более насущным проблемам; однако он позволяет проследить некоторые новые тенденции в использовании выделенных понятий. Наконец, изученный массив дает возможность сделать некоторые наблюдения и относительно отражения в языке практик, связанных с развитием гражданской самодеятельности, однако здесь наши выводы будут иметь характер предположений, нуждающихся в дальнейшей проверке.

Публичная сфера и гражданское общество:
уточнение рабочих определений

Прежде чем перейти к описанию и анализу понятий, которыми оперировало русское общество середины XIX — начала XX века, необходимо кратко пояснить, какое содержание вкладывается нами

Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008; и др. Нельзя также не отметить и фундаментальную монографию В. Я. Гросула, прослеживающую эволюцию русского общества как особой социальной прослойки, располагающейся между властью и народом (Гросул В. Я. *Русское общество XVIII—XIX веков: Традиции и новации*. М., 2003).

в концепты *публичной сферы* и *гражданского общества*, функциональные аналоги которых мы будем исследовать.

Объектом нашего внимания будет прежде всего *публичная сфера* как некое виртуальное пространство, где в более или менее открытом режиме обсуждаются социально значимые проблемы, формируется *общественное мнение*, конструируются и переопределяются коллективные идентичности.

В литературе представлены различные подходы к интерпретации данного понятия. Водоразделом служит вопрос о том, следует ли выделять *публичную сферу*, ориентируясь на некие функции или же на определенное качество их «исполнения». В социологической литературе преобладает нормативный подход, опирающийся на концепцию Юргена Хабермаса. В поисках институциональной среды, где частные лица могли бы «использовать собственный разум для решения общественных проблем» (по Канту), современный немецкий философ описал формирование буржуазной *публичной сферы* в Западной Европе (XVII—XVIII веков) и ее последующую трансформацию². Согласно концепции Хабермаса, устройство идеальной *публичной сферы* должно создавать условия для *рационально-критического дискурса* о политических проблемах, решающую роль в котором играют аргументы, а не социальный статус или традиции. Данный подход, с одной стороны, фокусируется на исторически-особенном типе буржуазной *публичной сферы*, а с другой — служит инструментом критики современных демократических практик.

Вместе с тем возможен и дескриптивный подход к изучению различных типов *публичных сфер*, в том числе — отличающихся от модели, описанной Хабермасом. В качестве примера такого подхода можно привести работы Шмуэля Эйзенштадта и его коллег, использовавших данное понятие в исследованиях процесса модернизации в незападных обществах³. Согласно их концепции,

...публичная сфера, хотя и не обязательно напоминающая «гражданское общество», возникает в любой более или менее сложной цивилизации, где есть определенный уровень грамотности. Это — сфера, расположенная *между* частной и официальной, она расши-

² *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge (Mass.), 1993.

³ *Eisenstadt S.N., Schluchter W., Wittrock B.* (Eds.) Public Spheres à Collective Identities. New Brunswick etc., 2001.

ряется и сжимается по мере включения в нее профессиональной страты (*carrier strata*), не входящей в состав правящего класса⁴.

Данное понятие указывает на наличие *площадок, где обсуждаются вопросы, представляющие общий интерес*. Предполагается, что такие площадки не только автономны от сферы государственного управления, но и в большей или меньшей степени открыты для основных групп, составляющих общество. *Публичная сфера* может быть локализована в различных институтах. Она конституируется множеством частично пересекающихся *публик*, границы которых меняются во времени, пространстве, а также в зависимости от характера обсуждаемых тем.

Второй подход представляется нам более продуктивным для анализа особенностей *публичной сферы* в России: он ориентирует на выявление социальных институтов, в рамках которых происходило обсуждение общественно значимых проблем, примерного состава участников таких дискуссий, а также их целей и стратегий. Таким образом, дескриптивный подход позволяет анализировать институты и практики, существенно отличающиеся от идеально-типических моделей, что и имеет место в нашем случае⁵. В то же время он позволяет разработать критерии для оценки состояния и изменения *публичной сферы* в конкретном обществе. В качестве таковых могут выступать: степень автономии *публичной сферы* от официальной и частной сфер, ее открытость для разных сегментов общества, ее фрагментированность, структура каналов коммуникации (сочетание «живого» обсуждения и общения посредством печатных текстов, особенности циркуляции последних) и так далее.

Не углубляясь в терминологические дискуссии, отражающие различные подходы к определению *гражданского общества*, вслед за немецким историком Юргеном Коккой мы будем различать три взаимосвязанных аспекта данного понятия: 1) *гражданское общество* как определенный *тип социального действия*, 2) как *сферу*

⁴ *Ibid.* P. 11.

⁵ Как справедливо подчеркивают С. Маккэфри и М. Меланкон, «Россия долгого XIX века — это своеобразная лаборатория для изучения рождения публичной сферы в отсутствие республиканских институтов» (*McCaffrey S.P., Melancon M.* Introduction: A Member of the Family — Russia's Place in Europe, 1789—1914 // *McCaffrey S.P., Melancon M.* (eds.) *Russia in the European Context*. P. 7).

общественной жизни, отличающуюся от экономической, государственной и приватно-семейной сфер, хотя и связанную с ними, 3) как *утопический проект*, который служит орудием критики реальности⁶. По-видимому, для нашего анализа наибольшее значение может иметь первый из выделенных аспектов: хотя в результате реформ 1860—1870-х годов в России и начала формироваться сфера, напоминающая *гражданское общество* во втором смысле, к 1917 году ее институционализация была далека от завершения. Трудно выделить и масштабные идеологические проекты, которые бы очевидным образом опирались на утопию *гражданского общества*. Однако многие признаки указывают на постепенное становление нового типа социального действия, отличающегося, с одной стороны, от отношений солидарности, организованных по принципу родства, а с другой — от бюрократической модели коллективных действий, предполагающей безличные способы организации и координации⁷. Различия между этими типами социального действия становились предметом рефлексии, стимулируя изменения в языке, которые мы и попытаемся выявить методами истории понятий.

Особенности институтов и практик публичной коммуникации в России середины XIX — начала XX века и их отражение в понятиях

Российские институты и практики публичной коммуникации весьма существенно отличались от французских, германских и британских аналогов, послуживших моделями для разработки описанных выше понятий. Социальные, экономические и политические

⁶ *Kocka J. Civil Society from a Historical Perspective // European Review. 2004. Vol. 12. № 1. P. 68—69.*

⁷ В качестве отличительных характеристик типа социального действия, ассоциирующегося с *гражданским обществом*, Кокка выделяет: 1) ориентацию на компромисс и достижение понимания в обществе (*understanding in public*), 2) упор на независимость индивидов и самоорганизацию, 3) принципиальную установку на плюрализм интересов, взглядов и подходов, 4) ненасильственные методы, 5) ориентацию на общее благо (пусть и по-разному понимаемое) — *Ibid.* P. 69. Российские практики во многом отличались от этой идеально-типической модели. Вместе с тем, как мы попытаемся показать, она имела нормативное значение, определяя представления о желанных перспективах.

условия периферийной империи не способствовали свободному рационально-критическому обсуждению общественно значимых проблем. Круг дозволенных тем определялся властями, выход за его пределы грозил суровыми санкциями, правительство упорно отказывалось признать право *общественности* не только влиять на принятие решений, но даже оценивать их. И тем не менее по крайней мере с середины XVIII века в России начинают складываться автономные от сферы государственного управления и не вполне совпадающие с пространством частной жизни площадки, на которых обсуждались проблемы, представляющие общественный интерес⁸. На протяжении XIX века эта *публичная сфера* расширялась и приобретала новые институциональные очертания, сохраняя тем не менее ряд существенных отличий от институтов и практик тех западноевропейских стран, которые неизменно служили для ее участников объектами соотнесения.

Как и во всяком современном обществе, в России *публичная сфера* представляла собой комбинацию более или менее институционализированных площадок для «живого» общения и виртуальной среды письменных текстов. Круг ее участников — относительно тонкий слой *образованного общества*, расширение которого сдерживалось сословными рамками, сохранением до 1861 года крепостного права, огромными расстояниями, бедностью основной массы населения, относительно слабой социальной мобильностью и другими факторами. Состав *образованного общества* был достаточно пестрым: в него входили и люди, состоявшие на разных ступенях государственной службы (военной и гражданской), и обеспеченные — а потому независимые от государства помещики, и духовные лица, и те, для кого литературный труд был главным источником средств к существованию. По мере распространения грамотности ряды читателей пополнялись немногочисленными представителями городских «низов» и крестьянства; однако это обстоятельство никоим образом не стирало отразившееся в понятиях различие между *образованным обществом* (позднее — *интеллигенцией*) и *народом*: круг «народного чтения» был довольно

⁸ См.: *Пиетров-Энгер Б., Ульянова Г.Н.* (Отв. ред.) Гражданская идентичность; *Туманова А.С.* Общественные организации; *Каплун В.Л.* Что такое Просвещение? — Рождение публичной сферы и публичной политики в России // Публичная сфера, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. М., 2007; *Вязовик Т.П.* Роль публичной сферы в распространении консервативно-охранительного дискурса начала XIX столетия // Там же.

специфичен⁹, поэтому, несмотря на некоторые успехи в распространении грамотности в начале XX века — впрочем, весьма скромные, — едва ли есть основания говорить о формировании в России единой *публичной сферы*, доступ в которую был бы технически открыт для большинства взрослого населения¹⁰. Вплоть до конца XIX века практики, описываемые концепцией *публичной сферы*, связывались преимущественно с *обществом*. Примечательно, что Иван Сергеевич Аксаков, предложивший в 1860-х годах оригинальную теорию *общества* как самостоятельной «стихии», взаимодействующей с *государством* и *народом*, в качестве отличительного признака такового выделял именно участие в публичной коммуникации посредством печатного слова:

В том-то и дело, в том-то и сила, что общество создается не верхним и не средним сословием, не мужиками и не дворянами, а создают его только образованные люди или, вернее, люди всех сословий и состояний безразлично, — *связанные между собой тем уровнем образования, при котором становится возможною деятельность общественная* (выделено мною. — О.М.), выражающаяся в наше время в литературе¹¹.

В начале XX века за счет постепенного роста социальной мобильности и грамотности, а более всего — благодаря политической школе первой русской революции, водораздел между *обществом* и *народом* стал более проницаемым. Неслучайно в этот период актуальным становится поиск понятий, способных выступать в роли их общего знаменателя. Например, Николай Александрович Бердяев находил таковой в *нации*: «Народ почти всегда понимался русской

⁹ См.: Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912; Личков Л. Как и что читает народ в Восточной Сибири // Русская мысль. 1896. № 1. С. 33—46; № 2. С. 28—46; и др.

¹⁰ Разумеется, политическая коммуникация имела место и в *народной* среде, однако в XIX веке она осуществлялась по устным каналам (церковные приходы, сельские сходы, ярмарки, базары, розничные торговцы-офени, переносившие не только товары, но и слухи, и др.), которые не совпадали с институтами публичной сферы *образованного общества* (см.: Миронов Б.Н. Развитие гражданского общества в России в XIX — начале XX века // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 113—115).

¹¹ Аксаков И.С. О взаимном отношении народа, государства и общества // Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. Подробнее о теории Аксакова см.: Цимбалов Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 167—215; Гросул В.Я. Русское общество. С. 294—305.

интеллигенцией в социальном и классовом смысле, народ это — простонародье, крестьяне и рабочие», — писал он. Однако «в основе отношения к общественности должна лежать идея *нации* наравне с идеей *личности*», причем *нация* должна быть «выше крестьянства, пролетариата, интеллигенции, бюрократии, буржуазии, дворянства»¹².

Разумеется, такой подход разделялся не всеми. Понятия *нация*, *общество*, *народ* использовались в разных комбинациях; каждое из них могло рассматриваться как целое, включающее полностью или частично два других¹³. Тем не менее до 1917 года разрыв между *обществом* и *народом* так и не удалось преодолеть, и причины этого были связаны не только с социальными и этноконфессиональными различиями, существовавшими в Российской империи, но и с очевидной фрагментированностью пространства публичных коммуникаций.

Подобно многим другим странам, вступавшим на путь модернизации, Россия сталкивалась с проблемой разрыва между количеством образованных людей и их социальной востребованностью. Вплоть до середины XIX века этот разрыв порождал феномен «лишних людей», воплотившийся в целой галерее образов русской литературы. Благодаря реформам 1860-х годов и последовавшему за ними экономическому росту к концу XIX века состав *образованного общества* изменился не только количественно, но и качественно: развитие промышленности и торговли, специализация управления, развитие местного самоуправления стимулировали спрос на квалифицированные кадры и способствовали профессионализации интеллектуального труда.

Постепенный рост *образованного слоя* стимулировал развитие издательского дела и журналистики. По наблюдению Николая Валентиновича Рязановского, издательская деятельность была одной из немногих отраслей в России того времени, существовавшей по вполне капиталистическим принципам¹⁴; она становилась все бо-

¹² Бердяев Н.А. К вопросу об интеллигенции и нации // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910. С. 131.

¹³ К примеру, известный идеолог русского национализма М.О. Меньшиков в 1914 году, рассуждая о строительстве нации, писал: «Весь народ национален, и даже русское общество, если выкинуть из него озлобленную часть инородцев». *Общество* здесь часть *народа*, но не все оно входит в состав *нации* (Меньшиков М.О. Дело нации // Меньшиков М.О. Из писем к ближним. М., 1991. С. 174).

¹⁴ Riazanovsky N.V. A Parting of Ways. Government and Educated Public in Russia, 1801—1855. Oxford, 1976. P. 276.

лее независимой от государства и поддерживалась преимущественно за счет читающей публики. Однако конкуренция в условиях ограниченного рынка была достаточно жесткой, и лишь немногим периодическим изданиям удавалось выживать подолгу — не только по политическим, но и по экономическим причинам. Тиражи периодических изданий были невысоки: в 1830—1850-х годах в среднем они колебались между 300 и 1000 экземпляров¹⁵. Во второй половине 1850-х — начале 1860-х годов рынок периодических изданий заметно оживился. Широкое распространение получили возникшие еще в 1830-х годах «толстые журналы», представлявшие собой специфически российский феномен. В отличие от более специализированных западноевропейских изданий, они были рассчитаны на широкий круг читателей и включали самую разную информацию: помимо произведений изящной словесности и публицистических статей на злободневные темы, в них печатались статьи по истории, филологии, экономике, географии, правоведению, этнографии и так далее. По словам составителя *Указателя журнальной литературы* Николая Алексеевича Ульянова, они утоляли «острую, особенно для провинции острую, потребность — следить за умственной жизнью всего человечества. Внес подписную плату и на целый год обеспечен в этом отношении статьями “своего” журнала»¹⁶. Толстые журналы выполняли просветительскую миссию, выражали общественное мнение и формировали социальную идентичность русской интеллигенции. Многие журналы оказывались «рупорами» воззрений, разделяемых определенными группами людей.

К концу XIX века заметную конкуренцию журналам стали составлять газеты¹⁷. Другая альтернатива журналам возникла в лице альманахов и «идейных» сборников, которые, по оценке Модеста Колерова, на рубеже XIX—XX веков сложились в специальный институт общественной мысли, игравший роль «компактных манифестов, практических энциклопедий, литературных инкубаторов идейной консолидации»¹⁸. Сборники объединяли единомышлен-

¹⁵ Ibid. P. 279—280.

¹⁶ Ульянов Н.А. Задача указателя журнальной литературы // Ульянов Н.А. Указатель журнальной литературы. Вып. 1: 1906—1910 гг. М., 1911. С. 5.

¹⁷ См.: McReynolds L. The News Under Russia's Old Regime. The Development of a Mass-Circulation Press. Princeton (N.J.), 1991.

¹⁸ Колеров М. Предисловие // Колеров М. Индустрия идей. (Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники 1887/1947). М., 2000. С. 12.

ников, позволяя высказываться по актуальным общественным, экономическим и политическим вопросам.

Российская печать существовала в условиях цензуры. Область дозволенного, по удачному определению Владимира Александровича Розенберга, «колебалась в значительных границах, всегда однако приближаясь к минимальному пределу»¹⁹. Цензурные правила на протяжении рассматриваемого периода неоднократно менялись. Но неизменным оставался принцип запрета на печатное обсуждение широкого (хотя и варьировавшегося) круга тем, начиная от всего, что имело отношение к правительственной и административной деятельности, и заканчивая информацией о различных сферах общественной жизни, которая, по мнению властей, могла заключать в себе признаки «вредного направления». В результате «о многих событиях русской жизни, — не таких, которые составляют дипломатическую или только канцелярскую тайну, а о таких, которые совершаются у всех на глазах, на улицах, в общественных собраниях и других доступных публике местах, — русская печать» давала «отчет лишь по воспоминаниям современников»²⁰. Неудивительно, что проблема *гласности*, расширения возможности свободно высказывать свои мысли была одной из главных забот общества.

Аренами *публичного дискурса* были не только печатные издания, но и многочисленные площадки, на которых происходили «живые» дискуссии. По цензурным условиям некоторые темы можно было обсуждать только в частных беседах и письмах. Салоны²¹ были частью светской среды, в которую приглашались избранные. В них собирались люди из круга, введенного в дом хозяина. Общность интересов не была единственным критерием отбора участников:

¹⁹ Розенберг В. Пресса, цензура, общество // Розенберг В., Якушкин В. Русская печать в прошлом и настоящем. М., 1905. С. 93. Существует обширная литература, посвященная истории цензуры и журналистики, начало которой было положено еще до 1917 года — см.: Арсеньев К. Русская печать на рубеже третьего тысячелетия своего существования // Право. 1903. № 1, 2; Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904; Розенберг В., Якушкин В. Русская печать; и др.

²⁰ Якушкин В. Из истории русской цензуры // Розенберг В., Якушкин В. Русская печать. С. 88.

²¹ Интересная информация о практиках литературных салонов и кружков середины XIX века собрана в книге М. Аронсона и С. Рейсера, написанной в конце 1920-х годов: Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. М., 2001. С. 22—102.

появление в салоне могло быть обусловлено семейными связями, положением в свете, случайным знакомством. Иной тип объединения представляли собой кружки и общества — небольшие, обычно приятельские собрания, устраиваемые регулярно с целью обсуждения литературных, философских, исторических и прочих проблем; они имели более постоянный (и более закрытый) состав участников и предполагали некоторую дисциплину. Цели кружков варьировались от самообразования и обсуждения первых литературных опытов их участников до «политики». Были и другие площадки, на которых происходило интеллектуальное общение — публичные лекции в университетах, ученые общества, клубы и кофейни, торжественные обеды, юбилеи, благотворительные публичные чтения, книжные лавки, где за поисками нужных изданий проводили время книгочеи, и другие.

Строгости цензуры компенсировались практикой обращения рукописных списков стихотворений, эссе, статей, записок, писем и так далее. В рукописях ходило не только то, что не могло быть пропущено цензурой: порой дешевле было сделать копию, чем купить книгу или найти издателя для собственного произведения. Возможно, поэтому власти поначалу не придавали большого значения этому каналу распространения текстов. По оценке Сидни Монаса, до появления *Философических писем* Петра Яковлевича Чаадаева, III отделение не проявляло особого интереса к рукописной литературе²². Особого размаха эта практика распространения идей приобрела в 1850-х годах, во время Крымской войны и сразу после нее. Однако она не могла в полной мере компенсировать ограничения печатного слова. К числу изъянов рукописной литературы можно отнести в среднем невысокое качество текстов²³, недостаток личной ответственности за написанное ввиду анонимности и отсутствие возможности публичного опровержения. Таким образом, рукописная литература служила каналом распространения мнений, но не могла быть эффективной ареной их публичной критики.

²² Monas S. The Third Section. Police and Society in Russia under Nicholas I. Cambridge (Mass.), 1961. P. 183—184.

²³ По словам автора *Записки о письменной литературе* (предположительно им был К.Д. Кавелин), «каждый пускает в ход все, что ему угодно», а «публика принимает все без разбора» (*Кавелин К.Д.*) Записка о письменной литературе // Голоса из России. Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Лондон, 1856—1860: Факс. изд. в 3 вып. М., 1974. Вып. 1. С. 52—53).

Другим способом обойти цензурные запреты было издание литературы за границей. По этому пути шли многие русские оппозиционеры от Александра Ивановича Герцена (который первым поставил издание «вольной» литературы и поставку ее в Россию на систематическую основу) до социал-демократов и эсеров.

Новым поприщем для общественного мнения стали созданные в 1860—1870-х годах земства и органы городского самоуправления. Однако их деятельность была максимально деполитизирована и давала не слишком много возможностей для формирования более или менее структурированного спектра общественных «направлений». Эта функция оставалась преимущественно за прессой. Как писал весной 1905 года журналист Сергей Яковлевич Елпатьевский, «в силу особых условий русской жизни даже появление земского и городского самоуправления не изменило [...] положения литературы, и при них временами случалось, что новая книжка журнала являлась своего рода заседанием партейтага»²⁴.

Все арены *публичного дискурса* в России XIX века не были вполне открыты и свободны: «живая» коммуникация происходила преимущественно в приватном пространстве и была рассчитана на тех, кто «вхож» и заслуживает доверия; а в общедоступной печати действовали жесткие цензурные ограничения. Данное обстоятельство оказывало определяющее влияние на развитие коммуникативных практик. Особенностью дискурса в *публичной сфере* является то, что в отличие от семьи и других «арен», локализованных в частной сфере, его участники говорят друг с другом как незнакомые, то есть понимание должно быть установлено в процессе коммуникации, оно зависит от *убедительности аргументов* и не является данностью, вытекающей из общности опыта²⁵. В российских условиях этот эффект оказывался смазан.

Публичная сфера середины — второй половины XIX века была довольно специфична. В ее устройстве устное общение, локализованное в полуприватном пространстве, сочеталось с письменной коммуникацией, содержание которой было ограничено цензурными рамками (частично преодолевавшимися благодаря рукописной

²⁴ Елпатьевский С. По поводу разговоров о русской интеллигенции // Русское богатство. 1905. № 3. С. 68.

²⁵ См.: Calhoun C. Nationalism, Political Community and the Representation of Society: Or, Why Feeling at Home is not Substitute for Public Space // Calhoun C. Nations Matter. Culture, History, and the Cosmopolitan Dream. London; New York, 2007. P. 108—109.

литературе и заграничным изданиям). Эта комбинация в какой-то мере позволяла *распространять идеи*, но давала мало возможностей для их *открытого критического обсуждения*. Интерпретация общественно значимых проблем осуществлялась преимущественно в среде частных лиц: условия публичного дискурса не предполагали прямого влияния общественного мнения на власть²⁶. На протяжении всего XIX века самодержавие придерживалось постулата о полной независимости государственного управления от общественного мнения: предполагалось, что монарх свободен в выборе политики и не несет ответственности перед подданными за принимаемые решения. Согласно официальной установке, как сами решения, так и их реализация не должны *публично обсуждаться*, и любые суждения, в которых можно было заподозрить намек на *оценку*, могли стать поводом для цензурных санкций.

С этими особенностями российской *публичной сферы* связана специфика ролей, с которыми идентифицировали себя ее участники. Как верно подметил Лутц Хефнер, «вплоть до начала XX в. мало кто из подданных русского царя изъявлял желание стать гражданином, но многие развивали идеал *общественного деятеля* — социально активного человека, приверженного общему благу»²⁷. Политические притязания русской общественности в XIX веке были более чем умеренными, однако идея гласности и свободы публичного обсуждения общественно значимых проблем неизменно встречала поддержку со стороны представителей разных частей политического спектра, от радикалов до умеренных консерваторов (примечательно, что многие настаивали на неполитическом характере свободы слова). Эти установки отчетливо отразились в понятиях, с помощью которых описывались, анализировались, сравнивались и критиковались складывавшиеся практики публичной коммуникации и гражданской самодеятельности.

Вместе с тем, по мере роста *образованного слоя*, развития городов, транспорта, связи и так далее, менялось качество коммуникативной среды. Как писал один из публицистов накануне первой русской революции,

²⁶ Это не означало, что власть не принимала во внимание общественное мнение и не пыталась на него влиять. О развитии практики «учета и контроля» в этой сфере см.: Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати 60—70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 6—28; Гросул В.Я. Русское общество. С. 218—241, 305—324, 369—385.

²⁷ Hefner L. The Temple of Idleness. P. 141.

...в России образовались уже определенные круги лиц, следящих за ходом государственной машины, толкующих под определенным углом зрения все ее обороты. Не было, кажется, профессионального съезда, не было земского собрания, на котором в той или иной форме не выскочил бы общегосударственный вопрос. Общегосударственные вопросы уже волнуют элементы, которые только выступают на историческую сцену русской общественности, которые мы привыкли считать объектом своих дум и забот²⁸, —

то есть *народ*. Революция 1905—1907 годов существенно изменила конфигурацию *публичной сферы*: появилось — пусть и в ограниченном виде — народное представительство, свобода союзов делала возможным создание легальных политических партий, более либеральными стали цензурные правила и так далее. Конечно, количество участников *публичной сферы* в сравнении с общей численностью населения империи по-прежнему было невелико, и многие из действовавших прежде ограничений сохранились. Однако появились новые «арены» публичных дискуссий, заметно расширился круг вопросов, подлежащих «ведению» общественности, изменилась конфигурация общественно-политического спектра, с развитием партийно-парламентской деятельности складывались новые практики коммуникации, развивались различные типы самоорганизации общества. Неудивительно, что менялось содержание прежних понятий. Тексты, ставшие предметом нашего анализа, вероятно, не в полной мере отразили этот процесс, поскольку в этот период тема России и Европы постепенно становилась маргинальной в публичном дискурсе; однако и они дают возможность выделить некоторые новые тенденции.

Развитие содержания понятий, описывавших практики публичной коммуникации и гражданской самодеятельности: *общественность*

В качестве существительных, указывающих на субъектов практик публичной коммуникации и гражданской самодеятельности, чаще всего использовалось слово *общество*, реже и в более специфических значениях — *публика* и *общественность*²⁹.

²⁸ Клейнборт Л. Русское общественное мнение // Мир божий. 1904. № 12. С. 81—82.

²⁹ Мы сосредоточим внимание на понятиях, которые использовались представителями разных направлений общественной мысли, поэтому идеологиче-

Высказанное Вадимом Волковым предположение о том, что последнее понятие можно рассматривать как эквивалент *гражданского общества*, в наибольшей мере соответствующий российской практике и традициям³⁰, не подтверждается изученными нами текстами: на протяжении всего рассмотренного периода слово *общественность* использовалось для описания практик участия в общественной жизни существенно реже, чем слово *общество*. В дискуссиях 1840-х годов термин *общественность* действительно фигурировал, но преимущественно в качестве абстрактного понятия, указывающего на социальность как специфическое качество, формирующееся у людей, составляющих общество, причем нередко — для характеристики особенностей строя социальных отношений, характерных для конкретного *общества*. Именно в этом значении использовали слово *общественность* Виссарион Григорьевич Белинский (1841)³¹, Константин Дмитриевич Кавелин (1847)³², Иван Васильевич Киреевский (1852)³³ и другие. В 1840—1850-х го-

ски маркированные понятия (например, *класс* у марксистов) останутся за рамками нашего анализа.

³⁰ Волков В. Общественность. С. 81.

³¹ В.Г. Белинский писал о России: «Вообще все недостатки и пороки нашей *общественности* выходят из невежества и непросвещения: и потому свет знания и образованности разгоняет их, как восход солнца ночные туманы» (Белинский В.Г. Россия до Петра Великого // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 131). И об «азиате»: «Основа его *общественности* есть бычай, освященный древностью, давностью и привычкою» (Там же. С. 98; здесь и далее слова, которые являются объектами анализа, выделены нами. — О.М.).

³² Доказывая, что «то общественное условие лучшее, в котором для человека, его желаний и деятельности открыто самое широкое поприще», К.Д. Кавелин, в ответ на критику славянофилов, утверждал, что «законодательство и все учреждения со времен Петра Великого с каждым днем делают новые завоевания в нашем общественном устройстве в пользу» именно этого «высшего начала *общественности*» (Кавелин К.Д. Ответ «Москвитянину» // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 74, 76).

³³ И.В. Киреевский писал об *общественности*, сравнивая «искусственные» принципы, на которых устроено западноевропейское общество, с идеальным органическим строем: «Логическое движение законов может существовать только там, где самая *общественность* основана на искусственных условиях; где, следовательно, развитием общественного устройства может и должно управлять мнение всех или некоторых. Но там, где *общественность* основана на коренном единомыслии, там твердость нравов, святость предания и крепость обычных отношений не могут нарушаться, не разрушая самых существенных условий жизни общества» (Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. / Изд. А.И. Кошелевым. М., 1861. Т. 2. С. 265—266).

дах понятие это не было идеологически маркировано: его употребляли и западники, и славянофилы. Реже слово *общественность* использовалось в другом значении — в качестве синонима *общественного мнения* и обозначения среды, где оно должно формироваться. Так, В.Г. Белинский в 1847 году, отмечая заслуги славянофильства, указывал, что оно «касается самых жизненных, самых важных вопросов нашей *общественности*»³⁴. Однако гораздо чаще в том же значении использовалось слово *общество*. Примечательно, что в 1862 году И.С. Аксаков, сравнивая выражения для идеи общественного мнения в европейских языках — *l'opinion publique, public opinion, offentliche Meinung*, — писал, что русское слово *общество* «всего вернее и точнее соответствует этому явлению общественной жизни и передает идею *общественности*...»³⁵. Таким образом, *общественность* для Аксакова — абстрактная идея, наиболее точным выражением которой является русское слово *общество*, привлекательное именно благодаря своей смысловой насыщенности.

В конце XIX — начале XX века слово *общественность* стало чаще ассоциироваться «с общественным мнением, критически настроенной и читающей публикой»³⁶, однако более активно употребляемым синонимом по-прежнему оставалось *общество*. В этот период слово *общественность* используется как для обозначения среды, где формируется общественное мнение и соперничают разные общественные силы³⁷, так и для совокупной характеристики

³⁴ Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 10. С. 17. Были и другие примеры использования данного слова в том же значении. Например, вот фраза из памфлета Ю.Ф. Самарина, опубликованного в 1875 году: «То, в чем Вы видите наше спасение и ничем не заменимое условие нормального развития нашей *общественности*, пугает меня как программа исподволь подготовляемой революции, притом революции худшего свойства...» (Самарин Ю.Ф. Письмо к Р. Фадееву по поводу его книги «Русское общество в настоящем и будущем (чем нам быть)» // Самарин Ю., Дмитриев Ф. Революционный консерватизм. Книга Р. Фадеева «Русское общество в настоящем и будущем» и предположения Петербургских дворян об организации всесловной волости. Berlin, 1875. С. 9).

³⁵ Аксаков И.С. О взаимном отношении народа, государства и общества. С. 136.

³⁶ Волков В. Общественность. С. 84.

³⁷ Например, А.А. Кизеветтер, вспоминая о полемике 1890-х годов между марксистами и народниками, писал, что она «кипела, можно сказать, по всем линиям *общественности* (то есть не только в журналах. — О.М.). Научные диспуты, заседания ученых обществ, не говоря уже о студенческих сходках, были охвачены той же полемикой» (Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (Воспоминания). Прага, 1929. С. 215).

участников этого процесса³⁸. Наконец, то же слово могло указывать на институциональные основания общественной самодеятельности. В частности, в таком значении его применял Павел Николаевич Милоков. Рассуждая об исторически сложившейся слабости российских общественных институтов, он писал:

У нас просто нет — и не было — настоящей, так сказать, густоты межлического общения и потому не выработалось плотной междусоциальной ткани [...] Индивидуальные чувства слишком долго не отлагались, не кумулировались ни в каких мультипликаторах русской *общественности*.

Милоков далее с удовлетворением отмечал:

Как бы ни были слабы и несовершенны начала новой нашей *общественности*, необходимо признать, что принципиально они создают для деятельности русской интеллигенции новую среду, новые способы, новые цели³⁹.

Вместе с тем в конце XIX века слово *общественность* приобрело новые смыслы, не имевшие прямого отношения к практикам публичной коммуникации и гражданской самодеятельности — оно стало использоваться как синоним *коллективизма* и антоним *индивидуализма* (не в последнюю очередь — из-за рогаток цензуры, вынуждавших приверженцев социалистических идей выражаться иносказательно). Примером такого употребления слова может служить выдержка из книги народника Иосифа Ивановича Каблица (И. Юзова):

Если мы отстали от Запада в науке, искусстве, технике, политике, то это еще не доказывает, что мы отстали от него и в общественной жизни. В основе нашей народной жизни лежат община и артель, а это такие формы общественной (гражданской, а не политической) жизни, которым позавидует Запад. Хотя многие и не могут взять в толк, как это народ, отставший в науке, политичес-

³⁸ Вот пример такого использования слова: «Русская жизнь, оплодотворенная марксистской мыслью, заиграла в последние годы более яркими красками и подняла энергию всех течений русской *общественности*» (*Иорданский Н. В тисках идейной растерянности* // Образование. 1904. № 7. С. 36).

³⁹ *Милоков П.Н.* Интеллигенция и историческая традиция // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст., 1909—1910 / Сост., коммент. Н. Казаковой; Предисл. В. Шелухаева. М., 1991. С. 347, 295).

кой жизни и т.п., в то же время может оказаться передовым в *общественности*, но это — факт и с ним необходимо считаться⁴⁰.

«Врожденное русскому народу чувство *общественности* противопологалось “западному индивидуализму”»⁴¹. Позже благодаря *Вехам*, вменившим в вину русской интеллигенции излишнее увлечение вопросами внешнего общественного обустройства и пренебрежение идеями внутреннего самоусовершенствования, стала активно дискутироваться другая оппозиция — *личности и общественности*⁴². Релевантным оставалось и использование данного понятия в абстрактном значении *социальности*⁴³.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода можно отметить определенную эволюцию содержания термина *общественность*: он становится более употребительным и более определенно начинает ассоциироваться с *общественной жизнью* и характерными для нее практиками. Однако данный термин не превращается в основное понятие для обозначения таких практик: по частоте употребления он существенно уступает слову *общество*, имевшему сходные значения. Кроме того, подобно *обществу*, *общественность* остается неспецифическим понятием, вбирая в себя множество *разных* смыслов, в том числе — не имеющих прямого отношения к рассматриваемым нами практикам.

Развитие содержания понятий, описывавших практики публичной коммуникации и гражданской самодеятельности: *публика*

Гораздо более однозначно использовалось заимствованное из европейских языков понятие *публика*, которое устойчиво упот-

⁴⁰ *Каблиц И.И.* [Юзов И.] Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 146.

⁴¹ *Евреинов Г.А.* Самобытность или отсталость? // Вестник Европы. 1904. № 2. С. 579.

⁴² У *Вех* нашлось много критиков, доказывавших, что их постановка вопроса о «личности и общественности» неверна (см.: *Кизеветтер А.А.* О сборнике «Вехи» // Вехи: pro et contra: Антология. СПб., 1998. С. 283—284; *Лурье С.* О сборнике «Вехи» // Там же. С. 290; *Милоков П.Н.* Интеллигенция; и др.).

⁴³ Например, у Н.А. Бердяева: «Национальность есть [...] проблема конкретной социальной культуры, а не отвлеченной *общественности*» (*Бердяев Н.А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 84).

реблялось для обозначения неопределенного круга лиц, которому адресованы пущенные в общественное обращение (*опубликованные*) тексты. Это могла быть как читательская аудитория⁴⁴, так и посетители салона⁴⁵ или слушатели *публичной*⁴⁶ лекции. Подобно *общественности*, *публика* могла интерпретироваться как среда, в которой формируется общественное мнение. Как писал в 1828 году молодой И.В. Киреевский, «в наше время каждый мыслящий человек не только может, но еще обязан выражать свой образ мыслей перед лицом *публики* [...] ибо только общим содействием может у нас составиться то, чего так давно желают все люди благомыслящие, чего до сих пор, однако же, мы еще не имеем [...] я говорю об общественном мнении»⁴⁷. Будучи понятием собирательным и безличным, *публика* могла наделяться чертами социального субъекта, который имеет определенные интересы и потребности⁴⁸, активно реагирует на печатное слово⁴⁹, меняется и становится более зре-

⁴⁴ Например, А.И. Герцен писал, сетуя на низкую покупательную способность российских читателей: «...нужно было что-нибудь из ряда вон выходящее, — поэма Пушкина или роман Гоголя, — чтобы привлечь внимание *публики* столь разбросанной, как читатели в России» (*Герцен А.И.* О развитии революционных идей в России // Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 217). Ср. рассуждения Белинского о Германии: «Там все пишет или читает, там *публика* считается миллионами, а писатели — тысячами...» (*Белинский В.Г.* Литературные мечтания // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 29).

⁴⁵ Так, Б.Н. Чичерин в воспоминаниях о Москве 1840-х годов называет славянофильскую партию «какою-то странною сектою, соборим лиц, которые в часы досуга, от нечего делать, занимались измышлением разных софизмов, поддерживая их перед публикой для упражнения в умственной гимнастике и для доказательства своего фехтовального искусства» (*Чичерин Б.Н.* Москва сороковых годов // Русское общество 40—50-х годов XIX в. Ч. 2: Воспоминания Б.Н. Чичерина. М., 1991. С. 21).

⁴⁶ Прилагательное *публичный* имело значение «открытый для публики, общедоступный» — например, «публичная библиотека», «публичная лекция», «публичный диспут» (при защите диссертации), «публичный дом» и др.

⁴⁷ *Киреевский И.В.* Нечто о характере поэзии Пушкина // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1998. С. 43—44.

⁴⁸ Из редакционной статьи газеты *Голос*: «...обмен мыслями между газетами и журналами должен происходить не для собственного их удовольствия и забавы, а для пользы [...] и для выгоды русской *публики*» (*Голос*. 1863. 2 окт. № 259. С. 1019).

⁴⁹ Н.Я. Данилевский доказывал, что сила периодической печати «основана не на распространении убеждений, а на пробуждении и уяснении интересов», которые уже существуют. Благодаря газетным публикациям «интересы *публики* не только уясняются, но получают сознание своей силы, возвышаются на степень общественного мнения» (*Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романско-германскому. М., 2003. С. 315).

лым⁵⁰ и так далее. Важно, однако, отметить, что во всех этих значениях слово *публика* могло заменяться синонимом *общество*, который употреблялся гораздо чаще⁵¹.

Использовалось и существительное, образованное от прилагательного *публичный* — *публичность*, которое указывало на соответствующее абстрактное качество (открытость для общества/публики)⁵². С середины 1850-х годов *публичность* становится общественным требованием, выражаемым сначала в рукописной литературе, а затем по мере цензурных послаблений — и в печати. Приверженцы «передовых взглядов» пишут о ее отсутствии/недостатке как об одной из наиболее насущных современных проблем⁵³.

Таким образом, образованные путем языкового заимствования слова *публика* и *публичность* в наибольшей мере могут рассматриваться как общеупотребительные понятия, имевшие вполне определенное и специфическое значение и использовавшиеся для описания практик публичной коммуникации. Однако частота их употребления существенно уступает частоте употребления слова *общество* в аналогичных значениях.

Развитие содержания понятий, описывавших практики публичной коммуникации и гражданской самодеятельности: *общество*

Исходя из всего вышесказанного, основное внимание мы уделим анализу многозначного слова *общество*, выделив его основные

⁵⁰ «*Публика* уже не прежний ребенок, веривший когда-то всякому печатному слову. В последние двадцать лет она кое-что прочла и кое над чем крепко задумалась», — писал корреспондент *Времени* (Письмо постороннего критика в редакцию нашего журнала по поводу книг г. Панаева и «Нового поэта» // *Время*. 1861. Т. 1. Январь. С. 60).

⁵¹ Ср. у Герцена: «“Москвитянин” не отвечал ни на одну живую, распространную в *обществе* потребность и, стало быть, не мог иметь другого хода, кроме как в своем кружке» (*Герцен А.И.* Былое и думы. М., 1969. Т. 1. С. 466—467) и др. примеры ниже.

⁵² Например: «Литература всегда опирается на *публичность*, получает свое утверждение от *общественного мнения*» (*Белинский В.Г.* Общее значение слова литература // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 625).

⁵³ Пример такой критики — адресованное А.И. Герцену *Письмо издателю*, опубликованное в сборнике *Голоса из России*. Автор — предположительно П.Л. Лавров — критиковал герценовские издания за претензию на выражение общественного мнения и подчеркивал, что очень трудно судить об истинном

значения и оппозиции и проследив их эволюцию в дискуссиях середины XIX — начала XX века. С известной долей условности можно выделить несколько взаимосвязанных, но различимых значений, в которых слово *общество* наиболее часто использовалось в рассматриваемый период:

1. *Общество* как социологическая категория, указывающая на всю совокупность социальных отношений, образующих самостоятельную систему.
2. *Общество* как социальное целое, отличное от других (в зависимости от контекста выступать в качестве синонима понятий *страна, государство, народ, нация*). Это социальное целое нередко рассматривалось как развивающийся (по общим законам или своей собственной уникальной программе) «организм», субъект истории. В этом значении *общество* выступает в качестве объекта отстраненного наблюдения; как правило, оно не наделяется качествами *сознательно* действующего агента. Говорящий фиксирует его состояние/изменение, потребности и интересы, но не предполагает возможности воздействовать на его поведение, убедить, направить и т.п.
3. *Общество* как *образованное общество* (с конца 1870-х — 1880-е годы широко используется синоним — *интеллигенция*), в противоположность *народу*.
4. *Общество* как среда, где формируется *общественное мнение* и соперничают разные взгляды, а также как коллективный субъект, являющийся носителем мнения (синоним *публики*).
5. *Общество* как субъект коллективного действия, сила, взаимодействующая с государством/правительством/властью.
6. Иные значения (*общество* как *кружок*, как синоним *общины*, как эвфемизм, маскирующий *социалистические* идеи и так далее).

Важную информацию о семантике слова *общество* несут и складывавшиеся в языке устойчивые словосочетания-оппозиции, где *общественное* мыслилось как нечто рядоположенное или противостоящее иным началам. Прежде всего следует отметить, что

соотношении общественных сил, «особенно у нас, при разнообразном наслонении образованностей, при совершенном отсутствии *публичности* [...] при общем незнании наших средств и потребностей, незнании, которое одинаково и в правительстве, и в обществе» (Голоса из России. М., 1975. Вып. 2, кн. 4. С. 10—11).

уже в 1830-х годах существовало понимание *общественного* как рядоположенного *частному* (возможно, как калька с европейских языков): мы обнаруживаем стандартные словосочетания «домашний и *общественный*»⁵⁴, «*общественный* и семейный»⁵⁵, «*общественный* и частный»⁵⁶. Другая устойчивая оппозиция (которая также, возможно, была отчасти результатом языкового переноса) — *государственное* и *общественное*. В середине 1850-х годов она приобрела программный характер и стала связываться с идеей общественной самодетельности (к чему мы вернемся позже), однако встречалась и в 1840-е годы, причем в текстах самого благонамеренного характера. Пример — редакционная статья *Отечественных записок* в 1848 году, которой Андрей Александрович Краевский хотел доказать свою лояльность власти, взявшей курс на «цензурный террор»: ее автор противопоставляет «ниспровержение всех *государственных* и *общественных* оснований» «в одной половине Европы» «умилительному зрелищу незыблемой законности» в России⁵⁷. Специфической для России (хотя также, как мы покажем ниже, отражающей западноевропейские аналоги) была оппозиция *общества* и *народа*, которая отражалась не только в текстах идеологического содержания, но и в устойчивых словосочетаниях. Наконец, со второй половины 1860-х годов в русской общественной мысли актуальной темой становится противопоставление *личности* и *общества* (от *Современника* 1860-х годов и теории «критической личности» Петра Лавровича Лаврова до *Вех*).

Если в XVIII веке понятие *общество* «вводило в оборот совершенно новую доктрину, которая обосновывала социальную целостность, моральное единство и взаимосвязь людей, живших в ту пору в совершенно различных укладах и едва ли сознававших себя

⁵⁴ Белинский В.Г. Литературные мечтания. С. 35.

⁵⁵ У С.С. Уварова: «Искренно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья *общественного* и *семейственного*» (Десятилетие министерства народного просвещения, 1833—1843. СПб., 1864. С. 2—3). Или в *Северной пчеле*: «Спрашиваем, что общего между Россией и Западом, в понятиях наших как христиан, подданных, граждан, в *общественном* и семейном быту нашем?» (*Гарайнов А.* Что такое мнение Запада о России // Северная пчела. 1855. 5 янв. № 1. С. 7).

⁵⁶ У И.В. Киреевского: «...особенность России заключалась в самой полноте и чистоте того выражения, которое христианское учение получило в ней, — во всем объеме ее *общественного* и *частного* быта» (*Киреевский И.В.* О характере просвещения Европы. С. 277).

⁵⁷ [Б.А.] Россия и Западная Европа в настоящую минуту // Отечественные записки. Т. 59. 1848. Июль—август. С. 1.

единым обществом»⁵⁸, то уже в 30-х годах XIX века эта доктрина имела самое широкое распространение в образованной среде. Слово *общество* в значении *абстрактной социологической категории* активно использовалось представителями разных интеллектуальных течений⁵⁹.

Еще чаще оно употреблялось во втором из выделенных нами значений — *социального целого, отличного от других*, выступая синонимом понятий *страна*⁶⁰ (*группа стран*⁶¹), *государство*, *народ*, *нация*. В этом значении слово *общество* вбирало в себя многие смыслы, которые в современном языке связываются с понятием *нация* (это особенно очевидно в текстах 1830—1850-х годов, хотя такое употребление слова можно обнаружить и позже). *Общество* интерпретировалось как *органическое целое*⁶² и по логике этой метафоры наделялось чертами, характерными для живого существа. Оно развивается, проходя через некоторые стадии и преодолевая те или иные проблемы⁶³, обладает «самосознанием»⁶⁴, имеет «по-

⁵⁸ Волков В. Общественность. С. 83.

⁵⁹ Ср. сентенции оппонентов — А.С. Хомякова («...настало для нас время понимать, что человек достигает своей нравственной цели только в *обществе*, где силы каждого принадлежат всем и силы всех каждому» — Хомяков А.С. О старом и новом // Хомяков А.С. Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 460) и В.Г. Белинского («Человек силен и обеспечен только в *обществе*...» — Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года. С. 29).

⁶⁰ Например, у В.П. Боткина: «...элементы, из которых сложилось испанское *общество*, и по началу своему, и по направлению к совершенно различным от тех, которые лежат в основе прочих европейских государств» (Боткин В.П. Письма об Испании. Л., 1976. С. 32).

⁶¹ В 1830—1840-х годах выражения «общества Запада», «европейские общества» были шаблонными — см. у И.В. Киреевского: «...это недавно начавшееся просвещение, включающее нас в состав Европейских обществ...» (Киреевский И.В. Десятнадцатый век // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 1. С. 74) и др. Характерна оговорка А.С. Хомякова: «Воззрение историка на прошедшую судьбу и жизнь человечества зависит по необходимости от самой жизни народа или *общества народов*, в которому он принадлежит...» (Хомяков А.С. Мнение русских об иностранцах // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 1. С. 37). Предполагалось, что различия внутри европейского «общества народов» менее существенны, чем то, что отделяет их от России.

⁶² По определению В.Ф. Одоевского, под организмом «понимают обыкновенно несколько начал, или стихий, действующих с определенной целью». Общество в этом смысле «есть новый организм, составленный из других организмов» (Одоевский В.Ф. Русские ночи. М., 1913. С. 409, 412; оригинал опубликован в 1844 году).

⁶³ См. у Н.А. Полевого: «Между тем *общество* движется, растет; изменяется его народность и с нею изменяется его поэзия» (Полевой Н.А. Чари, или несколько сцен из народных былей и рассказов украинских // Полевой Н.А.

требности»⁶⁵ и так далее. Многие связывали формирование и развитие органического целого, именуемого *обществом*, с наличием государства. Например, для Белинского тот факт, что Малороссия «никогда не была государством, следственно, и истории, в строгом значении этого слова, не имела», служил подтверждением того, что она не способна «образоваться в *органическое политическое общество*»⁶⁶. У И.С. Аксакова в 1861 году не вызывало сомнений, что «*общество*, разумеется, существует только там, где есть цельное народное тело, цельный организм с соответствующим ему цельным органическим покровом, то есть внешней, государственной формой». Поэтому *общество* есть во Франции и Англии, но отсутствует в Германии; точнее, оговаривается Аксаков, «оно существует, как *германское*, но лишено живой, реальной действительности, потому что германского цельного народа не существует, Германии нет, как целого тела, а есть Бавария, Гессен-Гомбург, Гессен-Кассель, Рейс-Шлейс-Крейц-Лобенштейн и проч.»⁶⁷.

В 1875 году Константин Николаевич Леонтьев, рассуждая об особенностях государственных форм, использует слова *общество* и *нация* как синонимы: «Государственная форма у каждой *нации*, у каждого *общества* своя; она в главной основе неизменна до гроба исторического, но меняется быстрее или медленнее в частностях,

Очерки литературы. СПб., 1839. Ч. 1. С. 483). В терминах органических аналогий об *обществе* рассуждали и славянофилы (см. описанный И.В. Киреевским идеал органического развития «*общества*, устроившегося естественно из самобытного развития своих коренных начал» — Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. С. 266), и западники (см. рассуждения Белинского о России как «молодом» *обществе* — Белинский В.Г. Россия до Петра Великого. С. 118—119).

⁶⁴ У И.В. Киреевского: «Многомыслие, разноречие кипящих систем и мнений при недостатке одного общего убеждения не только раздробляет *самосознание общества*, но необходимо должно действовать и на частного человека, раздвояя каждое живое движение его души» (Киреевский И.В. Обзорение современного состояния литературы // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 166).

⁶⁵ В.Г. Белинский писал о славянофильстве как о «свидетельстве *потребности русского общества* в самостоятельном развитии» (Белинский В.Г. Ответ «Москвитянину» // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 264).

⁶⁶ Белинский В.Г. История Малороссии. Николая Маркевича // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 60—61.

⁶⁷ Аксаков И.С. О взаимном отношении народа, государства и общества. С. 141.

от начала до конца»⁶⁸. Этот синонимический повтор тем более примечателен в исполнении Леонтьева, который отнюдь не симпатизировал «идее национальности», считая ее проявлением «того же либерального демократизма, который давно уже трудится над разрушением великих культурных миров Запада»⁶⁹. По-видимому, представляя нацию/общество обладательницей определенной «государственной формы», он воспроизводил вполне устоявшийся шаблон.

Общество в рассматриваемом значении нередко понималось как сообщество, с которым индивиды связаны особыми узами. Например, по мысли Алексея Степановича Хомякова, путешественник «проходит по *обществу*, но он не член *общества*; он движется между *народами*, но не принадлежит ни к одному». Он «вечно одинок в своей бессилии личного произвола», ибо «нравственное достоинство человека высказывается только в *обществе*, а *общество* есть не то собрание людей, которое нас случайно окружает, но то, с которым мы живем заодно»⁷⁰.

Представление о том, что *общество* «сильно и обеспечено», когда обладает «внутренней, непосредственной, органической связью — национальностью», разделял и оппонент А.С. Хомякова В.Г. Белинский⁷¹. Весьма характерно в этом отношении и рассуждение Бориса Николаевича Чичерина о «результатах новейшей истории Запада»:

...уничтожение средневековых форм жизни, основанных на дробности общественного быта и создание единого государственного тела [...] придают народной жизни такое единство, какого бы она без того никогда не имела. В ней создается общая среда, господствующая над всеми частными стремлениями и интересами; в ней чувствуется единое биение пульса, разливающего кровь по всем чле-

⁶⁸ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872—1891). М., 1996. С. 132.

⁶⁹ Там же. С. 108.

⁷⁰ Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 6.

⁷¹ Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года. С. 29. Как известно, у Белинского была своя теория о соотношении понятий *народ* и *нация*. Примечательно, что *общество* он рассматривал в качестве общего знаменателя: «...*общество* всегда есть нация, еще будучи только народом, но нация в возможности, а не в действительности...» (Белинский В.Г. Россия до Петра Великого. С. 124).

нам, и вместе с тем каждая часть свободно занимает то место, к которому она тяготеет по своей природе. Народ перестает быть собранием разнородных частей; он делается общественной единицей, он становится особью, которая живет единой жизнью⁷².

Так Чичерин описывает процесс, который языком современной социологии можно было бы назвать нацистроительством.

Важно подчеркнуть, что *общество* в рассматриваемом здесь смысле, как правило, не интерпретировалось в качестве субъекта коллективного действия — оно воспринималось как объект отстраненного наблюдения, который меняется, проявляет антропоморфные свойства («развивается», имеет «потребности», способно «сознавать» свои проблемы), однако существует как независимая от наблюдателя данность. Говорящий не предполагает возможности воздействовать на «поведение» *общества*, убедить, направить, воспитать, призвать к неким действиям и тому подобное. Примечательно, что тема «воспитания общества» возникает лишь в ретроспективных оценках 1870—1880-х годов, опирающихся на философские концепции «критически мыслящих личностей», «героев и толпы» и так далее⁷³. Она полностью отсутствует в исследованных нами текстах 1830—1840-х годов, что, безусловно, было следствием жестких рамок, в которые была поставлена гражданская деятельность.

Рассуждения о русском *обществе* как органическом целом (формирующейся нации) наталкивались на очевидное препятствие — крайнюю социальную и культурную неоднородность, мешавшую этому *обществу* стать сообществом, создающим свое единство. И здесь мы имеем дело с другим значением того же слова, предполагавшим противопоставление (*образованного*) *общества* *народу*. Тема культурного разрыва между *обществом* и *народом* крас-

⁷² Чичерин Б.Н. О политической будущности Англии // Русский вестник. Т. 5, кн. 1. 1856. Сентябрь. С. 650.

⁷³ П.Л. Лавров писал о Чернышевском как о деятеле, «понявшем основные задачи своего времени и сознательно двигавшем современное» ему «*общество* по пути прогресса, возможного для этого *общества*» (Лавров П.Л. Николай Гаврилович Чернышевский и ход развития русской мысли // Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв.: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 659). В.С. Соловьев писал о Н.Я. Данилевском: труд Данилевского имел в виду «практическую цель» — «поднять национальную самоуверенность в русском *обществе* и исцелить его от болезни “европейничания”» (Соловьев В.С. Россия и Европа // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 456).

ной нитью проходит через историю русской общественной мысли — от славянофилов и западников до народников и марксистов и, наконец, полемики вокруг *Вех*.

Использование слова *общество* для обозначения коммуникативной среды, включающей в себя лиц, имеющих образование и соответствующий круг интересов, складывалось с оглядкой на практики европейских стран, служивших образцами. Характерный пример — статья 1834 года, в которой В.Г. Белинский рассуждает о том, действительно ли литература — «выражение *общества*»:

Если под словом *общество* должно разуметь избранный круг образованнейших людей или, короче сказать, *большой свет*, *beau monde*, тогда это определение будет иметь свое значение, свой смысл, но только у французов. [...] жизнь *француза* есть жизнь *общественная*, паркетная; паркет есть его поприще, на котором он блистает блеском своего ума, познаний, талантов, остроумия, образованности [...] вот почему, говорю я, это определение словесности, вследствие которого она должна быть выражением *общества*, так глубоко и верно у французов. Их литература всегда была верным отражением, зеркалом *общества*, всегда шла с ним рука об руку, забывая о массе народа, ибо их *общество* есть высочайшее проявление их народного духа, их народной жизни. [...] Совсем не так у других народов⁷⁴.

Впрочем, тот же Белинский использовал слово *общество* и более широко, подразумевая не только «большой свет», но «высшие (образованнейшие) классы» вообще⁷⁵.

В 1830—1840-х годах и западники, и славянофилы признавали, что разделение на *общество* и *народ* существует и на Западе, однако первые пытались доказать, что Россия в этом отношении ничем не отличается от остальной Европы⁷⁶, а вторые считали культурный

⁷⁴ Белинский В.Г. Литературные мечтания. С. 28—29.

⁷⁵ В том числе — в той же статье: «Итак, *народ* или, лучше сказать, масса народа и *общество* пошли у нас врозь. Первый остался при своей прежней, грубой и полудикой жизни и при своих заунывных песнях [...] второе же видимо изменялось, если не улучшалось, забыло все русское [...] и создало себе литературу, которая была его верным зеркалом» (Там же. С. 40).

⁷⁶ По словам Белинского, «мы не знаем доселе ни одного народа, которого развитие и ход вперед не были бы основаны на разделении народной жизни на *народ* и *общество*» (Белинский В.Г. Сельское чтение, издаваемое князем В.Ф. Одоевским и А.П. Заблочкиным // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 368). О бросающихся в глаза различиях между «порядочным» обществом» и «народом» писал в своих испанских зарисовках В.П. Боткин (*Боткин В.П. Письма об Испании*. С. 27).

раскол, возникший в результате петровских реформ, катастрофой. Так или иначе, противопоставление *общества народу* стало устойчивой практикой, закрепившейся в языке и воспроизводившейся безотносительно к идеологическим размежеваниям⁷⁷. На рубеже 1870—1880-х годов слово *общество* в этой оппозиции стало заменяться на слово *интеллигенция*. Согласно определению *Вестника Европы*, это новое слово

...выражает собою бесспорный факт, факт существования меньшинства, отдающего себе отчет в своих стремлениях и взглядах, способного к сознательной деятельности, в виду определенной цели. К этому меньшинству принадлежат и западники, и славянофилы, ? и консерваторы, и либералы; оно существует не только у нас, но и во всех др. европейских государствах, отличаясь там только большею многочисленностью и большим политическим развитием. Его нельзя ни отрицать, ни игнорировать; оно не совмещает в себе всех живых сил народа, но является одною из этих сил, тесно связанною с остальными, хотя по-видимому и разобщенною с ним⁷⁸.

Изобретение нового понятия отразило новый виток в развитии дискуссии, содержание которой выходит, однако, за рамки настоящей статьи.

Как уже отмечалось, слово *общество* часто использовалось и в качестве синонима *публики*, оно указывало на *среду, где формируется общественное мнение и соперничают разные взгляды*, а также на *коллективного субъекта, являющегося носителем мнения*. В первом случае сохранялся отстраненный взгляд на *общество* как на объект,

⁷⁷ Как, например, в следующей фразе А.Н. Пыпина: «Старание удерживать в бездействии народные и общественные силы и подавлять их стремления имело своим следствием то, что значительная их часть и действительно оставалась в неподвижности...» (*Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки*. СПб., 1873. С. 88). Другой пример — рассуждения В. Агафонова о двойном стандарте, практикуемом цензурой: «вредоносность [...] идей оценивается русским правительством не всегда одной и той же меркой: что считается вредоносным для *народа*, иногда не считается таковым для так называемого “*общества*”. [...] То, что, с точки зрения охранителей, считается вредным для одной ступени, допустимо для читателей следующей, более высокой и т.д. В основу этой квалификации положена степень материального обеспечения: за 10 рублей получишь больше раз в двадцать, чем за рубль, — и “либерализма”, и Ренана...» (*Агафонов В. Русская цензура и рубль* // В защиту слова. СПб., 1905. С. 154—155).

⁷⁸ Внутреннее обозрение // *Вестник Европы*. 1880. № 11. С. 379—380.

состояние и изменение которого фиксирует наблюдатель⁷⁹. Во втором случае, следуя логике органических метафор, этот объект мог наделяться антропоморфными чертами (например, он мог заблуждаться⁸⁰, иметь интересы⁸¹ и потребности). В середине 1850-х годов происходит важная метаморфоза: *общество-публика* начинает рассматриваться как активный агент, который является не только безличным источником мнений и объектом воздействия печатного слова, но *субъектом, формирующим мнения*. Как писал автор уже цитированной *Записки о письменной литературе*, описывая рукописный бум середины 1850-х годов, «важно не сочинение статьи, а сочувствие, которое она находит в *обществе* [...] Автор здесь самое последнее лицо, которое тогда только получает значение, когда высказанные им мнения и идеи найдут себе в *обществе* живой отголосок»⁸². По воспоминаниям Б.Н. Чичерина, «какой-то элект-

⁷⁹ Например, К. Арсеньев в 1868 году констатирует: «Затишье, господствующее в *обществе*, отразилось и в печати. [...] Прошло то время, когда журнальная полемика была единственным предметом, возбуждавшим живое внимание в *обществе*; рядом с нею и выше ее существуют теперь другие серьезные интересы» (*Арсеньев К.* Русские законы о печати // Вестник Европы. 1868. № 4. С. 797). Начиная с 1860-х годов слово *общество* нередко использовалось для обозначения совокупности разных мнений (например, Ю.Ф. Самарин и Ф. Дмитриев писали о «революционном консерватизме» генерала Р. Фадеева: эта «партия, школа или группа» представляет собой «в современном движении *русского общества* как бы отдельную струйку, бегущую против течения» — Самарин Ю., Дмитриев Ф. К читателям // Самарин Ю., Дмитриев Ф. Революционный консерватизм. С. 1).

⁸⁰ Так, А.С. Хомяков доказывал, что представление о «составе народном» как о «грубом материале, подлежащем обработке для того, чтобы вышло из него что-то дельное и разумное» — это не частная ошибка. «Но если бы и принимать это за частные ошибки, — продолжал Хомяков, — то должно помнить, что есть заблуждения частные, которые возможны только при известном заблуждении *общества*» (*Хомяков А.С.* Мнение русских об иностранцах. С. 57).

⁸¹ А.И. Герцен: «После 1840 года внимание *общества* было приковано к двум течениям» (*Герцен А.И.* О развитии революционных идей в России. С. 230).

⁸² [*Кавелин К.Д.*] Записка о письменной литературе. С. 40—41. Эта роль арбитра начинает восприниматься как нормативная. См. у Д.И. Писарева: «...пишущие люди забывают, что пишут не для себя, а для общества, литераторы составляют замкнутый кружок; этот кружок внутри себя вырабатывает идеи и убеждения и передает публике результаты, которые часто становятся понятными только тогда, когда мы знаем, как они вырабатывались и формировались; один кружок сталкивается в мнениях с другим, начинается спор, которого предмет остается темен для публики...» (*Писарев Д.И.* Схоластика XIX века // Писарев Д.И. Полн. собр. соч.: В 6 т. / 3-е изд. Ф. Павленкова. СПб., 1900. Т. 1. С. 334).

рический ток носился в воздухе. Все были полны надежд и ожиданий; все порывались к *общественной работе*»⁸³.

Общество начинает интерпретироваться как *субъект коллективного действия*, новые смыслы фиксируются в словосочетаниях *общественная работа, общественная деятельность*. Это были, по выражению А.И. Герцена, «еще робкие и непривычные» опыты «русской речи о русском общественном деле»⁸⁴. При этом основной сферой приложения усилий, по представлениям современников, оставалось публичное слово⁸⁵, главным требованием была *гласность*, причем требование это разделяли люди весьма разных взглядов. В *гласности*, которая даст выход накопившимся проблемам и поможет найти их правильное решение, видели ключ к преодолению кризиса. Как писал автор одной из рукописных записок, «узнать Россию можно только от нее самой. Надо, чтоб она заговорила без страха и оглядки, другими словами — чтоб в ней возникло общественное мнение. Вызвать же и воспитать его может одна *гласность*»⁸⁶.

Во второй половине XIX века одним из ключевых (хотя и, безусловно, не новых) понятий стало *общественное мнение*. Представления об *общественном мнении* и его роли формировались с учетом западноевропейских практик. В 1850-х, в контексте Крымской войны и после нее, много говорили и писали об «общественном мнении Европы»⁸⁷, при этом нередко — сокрушаясь о невозможности адекватно представить «общественное мнение России»⁸⁸. Позже,

⁸³ *Чичерин Б.Н.* Москва сороковых годов. С. 118.

⁸⁴ *Герцен А.И.* От издателя // Голоса из России. Вып. 2, кн. 4. С. 6.

⁸⁵ Ср. приведенное выше определение *общества* И.С. Аксаковым и вывод редакционной статьи *Санкт-Петербургских ведомостей*, сделанный примерно в то же время, в контексте польского восстания 1863 года: «Теперь больше, чем когда-нибудь прежде, нужна России *самостоятельность общества*, необходим *правдивый голос* русского племени» (*Санкт-Петербургские ведомости*. 1863. 4 мая. С. 411).

⁸⁶ [*Мельгунов Н.А.*] Россия в войне и мире // Голоса из России. Вып. 2, кн. 4. С. 153.

⁸⁷ См.: Северная пчела. 1855. 5 янв. № 1. С. 7; Русский вестник. 1856. Т. 1, кн. 1. Январь. С. 3; и др.

⁸⁸ Так, А.С. Хомяков с сожалением констатировал, что в Европе не то что бы не хотят, а не могут «узнать, что совершается молчаливо в *общественном мнении* страны, против которой вооружаются все остальные» (*Хомяков А.С.* Письмо к приятелю-иностранцу перед началом восточной войны // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 3. С. 178). М.Н. Погодин со стыдом писал, что в силу безгласности русской печати «у нас *мнения* нет», и «европейцы считают, что мы не способны его иметь» (*Погодин М.Н.* Итальянский вопрос // Русская беседа. 1859. Кн. 13. № 3. С. 123).

уже в 1860-х, предметом споров и сомнений стал вопрос о том, существуют ли в России *общество* и *общественное мнение*⁸⁹. Одни склонялись к тому, что «у нас нет *общества*, нет *общественного дела*, в котором каждый принимал бы живое участие и которое давало бы предметы, направление и внутреннюю норму для деятельности»⁹⁰. Другие доказывали, что наше *общество* столь же «подготовлено» иметь *общественные мнения*, «как и всякое другое, как французское, как английское [...] Вся разница нашего *общества* от французского или английского [...] заключается в том, что у нас почти нет партий, по крайней мере, строго организованных...»⁹¹. Ключевым вопросом и тогда, и позже было наличие самого *общества* как «критически мыслящего слоя, связанного [...] невидимыми нитями культурных целей, сознающих их солидарность»⁹². Примечательно, что свободу слова в России многие рассматривали как неполитическую⁹³.

В середине 1850-х — 1860-х годах появляются концепции, доказывающие необходимость развития общественной самостоятельности и ограничения сферы правительственной опеки. Примечательно, что с идеями такого рода выступали представители как западнического, так и славянофильского лагеря, причем между их аргументами обнаруживается некоторое сходство.

⁸⁹ Для многих стало очевидно, что гласность сама по себе не решает всех проблем. Как писал И.С. Аксаков, «мы дали у себя простор такой гласности, которой подобную едва ли знавала и Англия, — не щадили лиц, проповедуя уважение к человеческой личности, — и уже поздно догадались, что громадное наше тело не проймешь никакой гласностью...» (Аксаков И.С. [Передовая статья] // День. 1863. 5 янв. № 1. С. 1).

⁹⁰ [Б.А.] По поводу элегической заметки «Русского вестника» // Время. Т. 1. 1861. Октябрь. С. 192.

⁹¹ [Б.А.] Письмо постороннего критика в редакцию нашего журнала по поводу книг г. Панаева и «Нового поэта» // Время. Т. 1. 1861. Январь. С. 61.

⁹² Клейнборт Л. Русское общественное мнение // Мир божий. 1904. № 12. С. 83; ср.: Соловьев В.С. Национальный вопрос в России // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 399.

⁹³ По определению И.С. Аксакова, «свобода слова, свободный обмен мыслей, чувств, мнений, необходимый для нравственной деятельности, относится точно так же к стороне нравственной человека, как свобода спать, есть к стороне физической» (Аксаков И.С. О взаимном отношении народа, государства и общества. С. 141). К.С. и И.С. Аксаковым возражал В.С. Соловьев, доказывавший, что свобода публичного выражения мнений несомненно является политической свободой, ибо она была бы «ограничением государственного полновластия, одинаково несообразным как с характером всевластного правительства, так и с характером безвластного народа» (Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. С. 456–457).

В 1855 году Б.Н. Чичерин написал записку *Современные задачи русской жизни*, которая ходила в рукописи, а затем была опубликована А.И. Герценом в сборнике *Голоса из России*. Рассуждая о причинах постигших Россию бедствий, он писал об отсутствии у населения огромного государства «внутреннего средоточия»: «тесной, общественной связи нет ни в целом, ни в частях, нет живых и частых сношений, возбуждающих человеческую деятельность и составляющих жизнь общества»⁹⁴. Вследствие этого правительство стало «исходною точкою всех общественных учреждений, всех мер для порядка и благоустройства...»⁹⁵. Образовался своего рода порочный круг: пассивность *общества* поддерживалась излишней активностью *правительства* («Мы знаем, что *правительство* все, а мы ничего, и не видим никакого исхода из этого положения»⁹⁶). Чичерин доказывал, что «правительственная деятельность не должна уничтожать самостоятельности народа, ибо самостоятельность есть необходимое условие жизни»⁹⁷. Характерно, что *общественную жизнь* автор записки связывал с *гласностью* и отменой цензуры («...иметь и высказывать мнения и требования *правительству* — это законное право *народа*, без которого он лишается всякой самостоятельности и всякого *общественного значения*»⁹⁸), не выдвигая иных политических требований.

В 1860-х годах в серии статей, опубликованных в газете *День*, И.С. Аксаков предложил свою концепцию отношений *правительства*, *общества* и *народа*, которая представляет для нас тем больший интерес, что автор стремился дать развернутые определения каждого из рассматриваемых трех элементов. Видя в *народе* фундаментальную основу и *общества*, и *государства*⁹⁹, он различал два значения этого понятия:

В обширном смысле, *народом* называется все население известной страны, представляющее цельность нравственную и физиче-

⁹⁴ [Чичерин Б.Н.] Современные задачи русской жизни // Голоса из России. Вып. 2, кн. 4. С. 55–56.

⁹⁵ Там же. С. 63.

⁹⁶ Там же. С. 99.

⁹⁷ Там же. С. 69.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ «Все, в каждой стране, граждански живущей, существует из народа, *народом*, ради *народа*, — и вне *народа*, вне его участия, прямого или косвенного, положительного или отрицательного, не могло бы и существовать то, что существует», — писал Аксаков (Аксаков И.С. О взаимном отношении государства, народа и общества. С. 137).

скую, единство происхождения и предания, единый общий тип физический и духовный. Такое определение объемлет все сословия, все ступени общественные, от царя до последнего крестьянина [...] Но в тесном смысле и более строгом, *народом* называется *простой* народ, то народное множество, которое живет жизнью непосредственной и, как зерно, сосредоточивает в себе всю органическую силу, все развитие организма¹⁰⁰.

Стоит отметить, что эти представления имели широкое распространение в русском обществе середины XIX века, в том числе разделяли их и оппоненты славянофилов¹⁰¹.

Более специфична была аксаковская интерпретация *государства*. Он считал его необходимым условием бытия *народа* («...как птица прежде всего свивает себе гнездо, — пишет И.С. Аксаков, — так и первым действием всех *народов* было: создать себе внешнюю государственную форму...»), но в то же время полагал, что «оно есть только внешнее определение, данное себе *народом*», не в нем воплощается народное самосознание¹⁰².

Для выражения последнего, согласно концепции И.С. Аксакова, требуется *общество*, которое есть «совокупная деятельность живых сил, выделяемых из себя народом, деятельность людей, которые вышли *из народа*, но не состоят уже под законом непосредственного быта, не поглощаются в народе, а напротив, делают непосредственное творчество народное и самый народ предметом своего сознания и деятельности, получая в то же время от народа жизнь, питание и силу». Аксаков особенно подчеркивал, что принадлежность к *обществу* определяется не сословной принадлежностью, а образованием, «притом не в значении известного количества познаний [...] а в значении личного духовного развития вообще, такого развития, которым нарушается однообразие и безличность непосредственного народного бытия»¹⁰³. Образованный

¹⁰⁰ Аксаков И.С. О взаимном отношении государства, народа и общества. С. 137.

¹⁰¹ См. у Белинского: «Что многочисленнейший и низший класс в государстве, обыкновенно называемый народом, в противоположность обществу, под которым разумеются среднее и высшее сословия, есть хранитель сущности, духа народной жизни, — это истина несомненная» (Белинский В.Г. Сельское чтение. С. 367).

¹⁰² Аксаков И.С. О взаимном отношении государства, народа и общества. С. 138—139.

¹⁰³ Там же. С. 140.

слой, существовавший в России, не вполне отвечал этому критерию в силу своего отчуждения от народа¹⁰⁴.

Подобно Б.Н. Чичерину, И.С. Аксаков доказывал необходимость автономии *общества* от *государства*¹⁰⁵. Что отличает его многочисленные статьи на тему *народа*, *общества* и *государства* от большинства публикаций его современников на те же темы — так это резкая критика *общества* за его пассивность. Аксаков писал:

Мы убеждены [...] что *правительство* не может брать на себя или «исправлять должность» организма и жизни, — и тем не менее мы сами, собственным бездействием, собственной слабостью хотения и убеждения, собственной леностью мысли и воли, постоянно обращаясь кверху, вызываем правительство на ненужное и бесплодное вмешательство, часто вопреки его собственному желанию и воле!¹⁰⁶

Аксаков заключал: «Нам недостает внутренней, общественной жизни, недостает глубоких убеждений, недостает самодеятельности...»¹⁰⁷ Следует признать, что аксаковская концепция отличалась оригинальностью и приведенные выше рассуждения отнюдь не типичны. Тем не менее, по оценке Владислава Якимовича Гросула, они оказали заметное влияние на современников¹⁰⁸.

Во второй половине XIX и, особенно, в начале XX века количество упоминаний об *обществе* в значении субъекта коллективного действия заметно возросло. Перед первой русской революцией много писали о пагубных последствиях отсутствия у *общества* права голоса в политических делах¹⁰⁹. После нее одни

¹⁰⁴ «Кажется, мы начинаем догадываться, — писал И.С. Аксаков в 1863 году, — [...] что то, что пожаловали мы в чин общества, в сущности вовсе не есть просвещенное выражение русской земли и народа, и что за общественное мнение принимали до сих пор — или толки российских *английских* клубов или назойливую болтовню наших журнальных Ноздревых и Хлестаковых» (Аксаков И.С. [Передовая статья]. С. 2).

¹⁰⁵ «Государство и государственное начало должны быть отвлечены от жизни народа и общества на поверхность и оставаться в тех скромных пределах, какие полагает им духовная и нравственная деятельность самого общества», — полагал Аксаков (Аксаков И.С. О взаимном отношении государства, народа и общества. С. 147).

¹⁰⁶ Там же. С. 133.

¹⁰⁷ Там же. С. 135.

¹⁰⁸ Гросул В.Я. Русское общество. С. 11, 50.

¹⁰⁹ Например, Л.З. Слонимский в 1905 году рассматривал безвластие общества как причину банкротства отечественной внешней политики: «Печаль-

называли «привлечение русского общества к участию в политической жизни страны» в качестве признака позитивных перемен¹¹⁰, другие по-прежнему жаловались на его «безвластие»¹¹¹. Но так или иначе представление об *обществе/общественности* как об активной силе, *противостоящей правительству/власти*, во второй половине XIX — начале XX века получает самое широкое распространение.

Завершая наш обзор основных значений слова *общество* в текстах середины XIX — начала XX века, отметим, что оно имело и другие интерпретации, в том числе — имевшие отношение к практикам *публичной сферы* (например, *общество* как институциональная площадка для целевого коллективного общения, «кружок»). Благодаря своей нейтральности это слово порой выступало как эвфемизм, заменявший то, что трудно было бы протащить через рогатки цензуры¹¹².

Выводы

В какой мере слова, использовавшиеся для обозначения практик публичной коммуникации и гражданской самодеятельности, могут рассматриваться как понятия? По определению Райнхарта Козеллека,

ный опыт показал, что бюрократическая дипломатия, не ответственная перед общественным мнением, совершенно бессильна при столкновении с иностранными культурными державами и не м[ожет] конкурировать с их представителями на равных правах» (*Слонимский Л.З.* Тяжелые уроки... // Вестник Европы. 1905. № 3. С. 342).

¹¹⁰ *Туган-Барановский М.И.* Интеллигенция и социализм // Вехи; Интеллигенция в России. С. 436.

¹¹¹ *Бердяев Н.А.* Судьба России. С. 113.

¹¹² Пример — использование слова *общество* в изложении социалистических идей на страницах *Современника*: «Подле понятия о безграничных юридических правах отдельной личности возникла идея о союзе и братстве между людьми; люди должны соединиться в *общества*, имеющие общий интерес, сообща пользующиеся силами природы и средствами науки для производства и для экономного потребления производимых ценностей. В земледелии братство это должно выразиться переходом земли в общинное пользование; в промышленности — переходом фабричных и заводских предприятий в общинное достояние компании всех работающих на этой фабрике, на этом заводе» (*Чернышевский Н.Г.* [«Русская беседа» и славянофильство] // Чернышевский Н.Г. Соч.: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 403).

...слово превращается в понятие, когда полнота психосоциального контекста смысла и опыта, в котором и для которого слово используется, могут быть сконцентрированы в одном слове. [...] Понятие связывает многообразие исторического опыта и совокупность теоретических и практических референтов в отношении, которое может быть постигнуто только через это понятие¹¹³.

Слова, с помощью которых описывались российские практики публичной коммуникации и гражданской самодеятельности, не вполне соответствуют этому критерию: во-первых, существовали группы слов, которые могли использоваться как синонимы, смыслы не были жестко закреплены; во-вторых, большинство слов соответствующего понятийного ряда были многозначными, причем наряду со значениями, относившимися к рассматриваемым нами практикам, эти слова имели другие смыслы, как общие, так и специфические. Вместе с тем, выделенные нами значения понятий *общество, публика, общественность* были достаточно устоявшимися и воспроизводились в текстах разных авторов вне зависимости от различий идеологических установок. Таким образом, мы можем говорить о процессе формирования неспецифических понятий, имевших широкий спектр значений, причем некоторые из них устойчиво связывались с практиками публичной коммуникации и гражданской самодеятельности. Иными словами, русское общество середины XIX — начала XX века постепенно формировало язык для описания, анализа и критики своих коммуникативных и самодеятельных практик, однако этот язык был столь же неспецифическим и слабо оформленным, как и сами практики. Важными факторами, влиявшими на этот процесс, были социальные барьеры, цензурные ограничения и описанные выше особенности институтов российской *публичной сферы*. Играло свою роль и воздействие западноевропейского опыта, который служил и нормативным образцом, и объектом критики. Впрочем, последнее обстоятельство не препятствовало, а скорее способствовало семантическим и лингвистическим переносам.

¹¹³ *Koselleck R.* Futures Past. On the Semantics of Historical Time. Cambridge (Mass.); London, 1985. P. 84.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Миллер Алексей Ильич, Сдвижков Денис Анатольевич, Ширле Ингрид
«Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Предисловие 5

I. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

<i>Киселев Михаил Александрович (Екатеринбург)</i> Правда и закон во второй половине XVII — первой четверти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю	49
<i>Марасинова Елена Нигметовна (Москва)</i> Закон в России второй половины XVIII века	66
<i>Польской Сергей Викторович (Самара)</i> Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века	94
<i>Бадалян Дмитрий Александрович (Санкт-Петербург)</i> Понятие конституция в России XVIII—XIX веков: от постановления сейма и узаконения к венчанию здания и правовому порядку	151
<i>Бабкова Галина Олеговна (Москва)</i> Личные преступления в проекте Уголовного уложения Екатерины II. К вопросу о становлении юридической терминологии в России второй половины XVIII века	175
<i>Лор Эрик (Вашингтон)</i> Гражданство и подданство. История понятий	197

II. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

<i>Ширле Ингрид (Москва)</i> Третий чин или средний род: история поиска понятия и слов в XVIII веке	225
<i>Велижев Михаил Брониславович (Москва)</i> Цивилизация и средний класс	249
<i>Леонтьева Ольга Борисовна (Самара)</i> Понятие класс в российской мысли XIX — начала XX века	293

III. ОБЩЕСТВО И ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА

<i>Маслов Борис Павлович (Чикаго)</i> Рождение и смерть Добродетели в России: о механизмах пропаганды понятий в дискурсе Просвещения	343
<i>Сдвижков Денис Анатольевич (Москва)</i> От общества к интеллигенции: история понятий как история самосознания	382
<i>Малинова Ольга Юрьевна (Москва)</i> Общество, публика, общественность в России середины XIX — начала XX века: Отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности	428
<i>Калашников Михаил Васильевич (Саратов)</i> Понятие либерализм в русском общественном сознании XIX века	464
<i>Бибикина Любовь Владимировна (Москва)</i> Политическая полиция, консерваторы и социалисты: игра либерализмами в публичном и непубличном политическом пространстве Российской империи в конце XIX — начале XX века	514
<i>Полунов Александр Юрьевич (Москва)</i> Понятия свобода совести и веротерпимость в общественно-политическом дискурсе России конца XIX — начала XX века	559

«ПОНЯТИЯ О РОССИИ»

К исторической семантике имперского периода

Том I

Редактор *Н. Трауберг*
Художник *Д. Черногаев*
Корректоры *Л. Морозова, Е. Мохова*
Верстка *С. Пчелинцев*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
“НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ”»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 36. Тираж 1000. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс
“Ульяновский Дом печати”»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14